

Как раз в этот момент Вэй Хуань тихо позвала меня:

— Тайпин.

Я действительно разозлилась на нее, закрыла глаза и притворилась спящей, но уши напрягла, чтобы слышать ее движения. На этот раз она не вела себя так безумно, как раньше, а просто села, поправила мне уголок одеяла, посмотрела на меня некоторое время, затем вдруг наклонилась и поцеловала меня в щеку. После этого она откинулась назад, словно наслаждаясь моментом, и с легкой улыбкой прошептала:

— Подруга.

Затем она вздохнула и очень тихо добавила:

— Но тебе уже четырнадцать, возраст, чтобы выйти замуж.

Мое сердце сжалось, и я не смогла заснуть всю ночь.

Ваньэр часто задумывалась о мыслях той женщины.

Иногда ее мысли были легко угадываемыми, словно на ладони, а иногда — непостижимыми, как небо.

Та женщина тоже то приближала Ваньэр к себе, то отдаляла. Близкие периоды были наполнены ежедневными встречами, и никакие тайны не скрывались от Ваньэр. В отдаленные же дни она могла не вызывать Ваньэр несколько дней, а при встрече вести себя так, будто они вовсе не знакомы, не сказав ни слова с утра до вечера.

То, что она поручала Ваньэр, было разнообразным и беспорядочным. Наряду с обязанностями Цайжэнь, было множество задач, возникших спонтанно, по прихоти. И эти обязанности не были постоянными: сегодня она могла приказать Ваньэр подавать чай, а завтра отправить ее к входу, чтобы передавать сообщения. Иногда, в хорошем настроении, она просила Ваньэр сочинять стихи или помогать с письмом, а в плохом — снова заставляла ее подметать двор. Цайжэнь пятого ранга, на рассвете одетая в парадное платье и подметающая двор, — такая картина, вероятно, могла существовать только в нашу эпоху, при правлении этой Тяньхоу.

Ваньэр понимала, что это был всего лишь способ управления подчиненными, но ее настроение все же колебалось в зависимости от близости или отдаленности той женщины. В конце концов, она была всего лишь девушкой-подростком, которая каждый день находилась рядом с врагом, сгибаясь и лстя, и это было пределом ее возможностей. Она не могла быть совершенно равнодушной к милостям и опалам.

Более того, близость или отдаленность той женщины имела прямое отношение к ее жизни и смерти. Ваньэр вынуждена была разгадывать ее мысли, вынуждена была радоваться тому, что радовало ее, и ненавидеть то, что она ненавидела.

Такая жизнь была крайне утомительной, и... не видно было конца.

Ваньэр с трудом сдержала зевок, сильно ущипнув себя за бедро, чтобы не закричать от боли. К счастью, в зале, кроме нее, никого не было, и никто не заметил ее неловкости.

Ваньэр выдохнула и украдкой взглянула в сторону. Та женщина удобно расположилась в бассейне, пар поднимался, скрывая большую часть ее лица, делая его еще более загадочным.

Ее тело было белым и пышным, кожа, хотя и не такая нежная, как у юных девушек, была гладкой и чистой, и в тумане она выглядела совсем не как женщина за пятьдесят.

Ваньэр знала ее возраст. Она однажды случайно проговорила, и Ваньэр запомнила. Ее настоящий возраст был на пять лет больше, чем объявленный. Она родилась в первый год правления Цяньдэ, на семь лет старше нынешнего Шэнжэня.

Она скрывала свой возраст не из-за женского тщеславия, а потому что, вступив во дворец в возрасте десяти с небольшим лет как Цайжэнь, она служила предыдущему императору и провела во дворце более десяти лет, прежде чем соблазнила нынешнего Шэнжэня, тогда еще наследного принца.

Ее дважды вступившая во дворец история была известна всем, и скрыть это было невозможно, поэтому она придумала историю, что раньше она была не наложницей предыдущего императора, а «женщиной-чиновником», которая подавала чай и воду, и вошла во дворец не в шестнадцатый год Цяньдэ, а в двадцать второй.

Говорили, что предыдущий император, увидев ее «скромность и мягкость», «материнскую добродетель», «особо наставил наследного принца взять ее в жены», а «наследный принц, будучи почтительным сыном, пожелал, чтобы она служила предыдущему императору, дабы выразить сыновнюю почтительность», и поэтому она «осталась во дворце подавать лекарства, как знак сыновней почтительности».

Такую чушь могли проглотить только неграмотные простолюдины. Все в правительстве знали ее историю. Но, вероятно, это останется только в наше время. В будущем исторические записки будут написаны так, как она прикажет, и передаваться из поколения в поколение, пока, в конце концов, не станут, как древние истории эпохи Цинь, где трудно отличить правду от вымысла.

Единственное, что останется неизменным, — это ее титул «Святая императрица Вэнь».

Но как будет выглядеть мой дед в исторических записках через тысячи лет? «Мятежник»? «Злодей»? Если она будет продолжать править, будет ли кто-нибудь когда-нибудь реабилитировать моего деда? Будет ли «изысканный и очаровательный, открывший новую эпоху» дед погребен в истории?

Ваньэр не знала.

Она беспокойно пошевелила пальцами, делая это очень осторожно, чтобы не привлечь внимание Тяньхоу, сидящей в бассейне. Но, несмотря на ее осторожность, та женщина все же пошевелилась в воде, раздвинула волны руками и громко позвала:

— Ваньэр.

Ваньэр быстро подошла к бассейну, опустилась на колени и тихо сказала:

— Ваше Величество?

Та женщина нахмурилась, взглянув на Ваньэр, и Ваньэр подумала, что сделала что-то не так, и еще ниже склонила голову:

— Ваньэр внимает вашим наставлениям.

Но та женщина лишь еще больше нахмурилась, протянула руку из воды и коснулась колена Ваньэр, вода с ее руки капала на пол:

— Пол скользкий, иди переоденься, возвращайся без поклона.

Одежда Ваньэр была не здесь, но она не посмела послушаться Тяньхоу. Она только что ответила, когда та женщина засмеялась:

— Я забыла, ты здесь не живешь, наверное, у тебя нет сменной одежды. Надень мое старое платье и деревянные сандалии.

Что бы она ни говорила, Ваньэр могла только молча соглашаться. Переодевшись, она увидела, что та женщина медленно выходит из бассейна, протягивает руки, словно ждет Ваньэр.

Ваньэр без малейших колебаний подошла, вытерла ее с головы до ног, помогла надеть фиолетовую рубашку. Она уже собиралась помочь ей надеть обувь, но та снова махнула рукой, села на край бассейна, как молодая девушка, свесила ноги в воду и спросила Гао Яньфу:

— Я забыла, кто просил аудиенции?

Гао Яньфу ответил:

— Чжоу-гогун.

Она спросила:

— Разве он не был здесь несколько дней назад? Почему снова пришел?

Гао Яньфу поклонился:

— Он принес несколько безделушек в подарок Вашему Величеству.

Она усмехнулась:

— Только вернулся, и уже натворил дел? Что он натворил?

Гао Яньфу не осмелился ответить.

Она бросила на него косой взгляд, с некоторой досадой махнула рукой:

— Скажи ему, что его доброта оценена, пусть уходит, я сегодня не хочу никого видеть.

Гао Яньфу почтительно вышел, а через мгновение снова осторожно вошел. Она с нетерпением посмотрела на евнуха и спросила:

— Кто еще?

Гао Яньфу взглянул на Ваньэр и тихо сказал:

— Маленький господин и маленькая госпожа.

Во всем дворце так называли только родных сына и дочь Тяньхоу.

Ваньэр увидела, как лицо той женщины слегка напряглось, и она приняла эту пару, слушая, как они рассказывали о том, как У Миньчжи обижал принцессу.

Авторская ремарка:

Я действительно хотела написать что-то сладкое... правда_(:зъ∠)_

Небольшие сценки, вдохновленные «Когда олени появляются в глубоком лесу» и «На берегу реки Чу»:

Первая

Цзэтянь:

— Ах, мой ребенок похож на меня, я так рада.

Тайпин:

— Все благодаря вашим урокам, матушка.

Вэй Хуань (шепчет Ваньэр):

— Шэнжэнь тоже... эм, подчиняется?

Ваньэр (тихо):

— ...Да.

Цзэтянь:

— Хм?

Ваньэр умирает, причина смерти — не выдержала.

Тайпин умирает, причина смерти — засмеялась, когда Вэй Хуань сказала: «Шэнжэнь тоже... подчиняется».

Вторая

Тайпин:

— Ааа, Вэй Хуань смотрит на меня, что делать, как стыдно, фу-фу-фу.

Вэй Хуань:

— Хе-хе, боишься?

Тайпин:

— Да, да, боюсь, что разозлюсь и съем тебя.

Вэй Хуань:

— ...

Тайпин:

— Видишь, я выросла? Стала больше тебя?

Вэй Хуань:

— ...

Тайпин:

— Эй, не стесняйся, если нравится, смотри, в конце концов, я тоже буду смотреть на тебя...

Вэй Хуань: (☺(#☐)☐↳о(☐тарелка☐///)

<http://bllate.org/book/16278/1466662>